

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В МЕТАПОЭТИКЕ И.А. БУНИНА

Белевцова Татьяна Борисовна

студент Северо-Кавказского федерального университета, РФ, г. Ставрополь

Сороченко Елена Николаевна

научный руководитель, канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета, РФ, г. Ставрополь

Публицистика и дневниковая проза И.А. Бунина представляют собой ценнейший материал, в котором получает отражение не только движение критической и теоретической мысли и вообще литературный процесс, в котором И.А. Бунин явился ярким представителем, мастером художественной прозы и поэзии, но и иллюстрация духовных проявлений и творческих исканий писателя.

Особое место в таких текстах занимает тема литературы и литературного творчества. Ее наглядным проявлением служат критические высказывания мастера о творчестве поэтов и писателей, по большей части современников, а также рефлексия над собственным творчеством. Содержание темы словесного творчества раскрывается в таких тематических группах, как: процесс создания произведения («творческая лаборатория»), жизненный материал, формальные средства (стиль, язык, форма, жанр, тональность), содержание художественного произведения, или художественный мир (образ, сюжет, тема) и другие. Предметом нашего исследования служат высказывания такого характера, которые, будучи рассредоточены в огромном корпусе текстов, созданных И.А. Буниным (публицистика, автобиографические произведения, письма), отражают все тонкости писательского ремесла, каковые они представлялись самому писателю. Данные высказывания в науке принято называть метапоэтическими, а осмысление авторами собственного творчества и творчества других писателей и поэтов, а также научное исследование систем, представляющих собой текст о творчестве, – метапоэтикой.

Прежде всего И.А. Бунина волновали вопросы качества писательского труда. Его строгие суждения критического характера по отношению и к собственным произведениям, и к произведениям современников, и даже классиков (в контексте того времени, когда жил и творил Бунин) позволяют сделать вывод о том, чем в его представлении должно обладать художественное произведение и что оно должно или не должно содержать в себе, чтобы соответствовать своему истинному назначению и представлять целостный, заверченный культурно-эстетический объект.

Говоря о дневниковой прозе, следует отметить, что несмотря на то, что дневник, по своему исконному, типичному назначению, представляет собой произведение интимное, сугубо личное, а высказывания по поводу тех или иных особенностей словесного творчества и, в частности, конкретных художественных текстов отличаются крайним, не всегда оправданным субъективизмом, выявленные нами языковые единицы метапоэтического характера можно рассматривать как важные составляющие *бунинской концепции литературного искусства*.

Среди критических высказываний И.А. Бунина в отношении к произведениям других писателей можно выделить две обширные группы, одна из которых содержит замечания по поводу особенностей формы произведений, другая включает в себя оценку содержания. К первой относятся замечания относительно языка и стиля в целом, во второй группе замечаний содержится оценка образности, метода, сюжета, а также общее впечатление от

прочитанного.

На протяжении всего творческого пути И.А. Бунин обращался к проблемам народной и художественной речи. В вопросах языка И.А. Бунин был достаточно консервативен. Он с преданностью относился к тому традиционному литературному языку, начало которому положил А.С. Пушкин, отточенному благодаря мастерству последующих классиков: М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и других. Высказывания И.А. Бунина о языке современной литературы выражают отношение писателя к вопросам чистоты художественного языка и особенностей его взаимодействия с языком народным. В дневниковой записи 1919 года И.А. Бунин так характеризует состояние языка на тот момент, в трудное для России время: **«Распад, разрушение слова, его сокровенного смысла, звука и веса идет в литературе уже давно.»**

- Вы домой? - говорю как-то писателю Осиповичу, прощаясь с ним на улице. Он отвечает:

- Отнюдь!

Как я ему растолкую, что так по-русски не говорят?

Не понимает, не чует:

- А как же надо сказать? По-вашему, отнюдь нет? Но какая разница?

Разницы он не понимает. Ему, конечно, простительно, он одессит. <...> А какое невероятное количество теперь в литературе самоуверенных наглецов, мнящих себя страшными знатоками **слова!** Сколько поклонников **старинного («ядерного и сочного») народного языка, словечка в простоте** не говорящих, изнуряющих своей **архирусскостью!**

Последнее (после всех интернациональных «исканий», то есть каких-то младотурецких **подражаний всем западным образцам**) начинает входить в большую моду. <...> Как носились в московских и петербургских салонах с разными Ключевыми и Есениными, даже и одевавшимся под странников и добрых молодцев, распевавших в нос о «свечечках», и «речечках» или прикидывавшихся «разудальными головушками!» [3, с. 430-431]. По прошествии времени, а именно в 1944 году, И.А. Бунин, находясь в эмиграции, критически оценивает рассказы М. Зощенко с точки зрения языка: **«И недаром всегда пишет он (Зощенко) столь убогим, полудикарским языком - это язык его несметных героев, той России, которой она стала»** [3, с. 529]. Тот факт, что И.А. Бунин продолжал вести свой дневник, в котором отмечал свои литературные наблюдения, в эмиграции, в некоторой степени объясняет наличие такого рода наблюдений: для человека, находящегося вдали от своей страны, изменения в родном языке кажутся более ощутимыми. Данные замечания являются подтверждением того, что И.А. Бунин обладал тонким вкусом и подлинным знанием русского языка, он замечал те тенденции, которые были свойственны развитию языка, и прежде всего отмечал именно негативные черты, несущие в себе, по его мнению, действие разрушительное.

В своих дневниках писатель часто подчеркивает свое трепетное отношение к прошлому укладу жизни, к своим предкам, которые были связаны с народом, землей: **«Помещиками были и деды, и отцы мои, владевшие именьями в средней России, в том плодородном подстепье, где древние московские цари, в целях защиты государства от набегов южных татар, создавали заслоны из поселенцев различных русских областей, где, благодаря этому, образовался богатейший русский язык и откуда вышли чуть не все величайшие русские писатели во главе с Тургеневым и Толстым»** [3, с. 538]. Обратимся к содержанию первой группы оценок, связанных с языком литературных произведений.

Для И.А. Бунина одним из критериев положительной оценки при восприятии художественных текстов была простота выражения мысли и правдивое отражение действительности. Сам И.А. Бунин принадлежал к числу авторов, активно использующих в своих текстах диалектную лексику, поскольку она во многом способствует созданию достоверного изображения определенного уклада жизни. Диалектизмы явились одним из средств, которые позволили

Бунину отразить быт и характеры простого деревенского народа. Однако сам он довольно негативно относился к случаям, когда их использование являлось неоправданным, затрудняющим понимание произведения или просто отвлекающим внимание; не приветствует писатель и отсутствие лаконичности, обилие словесных украшений. Так, язык романа М.С. Шолохова «Тихий Дон» подвергается следующим замечаниям: «*Читал I книгу «Тихого Дона» Шолохова. Талантлив, но нет словечка в простоте. И очень груб в реализме. Очень трудно читать от этого с вывертами языка, с множеством местных слов*».

Простота и в то же время богатство языка, проявляющиеся в его достоверной изобразительности, – те черты, которые выделяет И.А. Бунин среди положительных достоинств стиля некоторых писателей. В статье «Памяти сильного человека» Бунин говорит о И. Никитине: «*Он (Никитин) в числе тех великих, кем создан весь своеобразный склад русской литературы, ее свежесть, ее великая в простоте художественность, ее сильный простой язык, ее реализм в самом лучшем смысле этого слова*» [3, с. 582]. О романе А.И. Герцена «Былое и думы» Бунин в своих дневниках пишет: «*Изумительно по уму, силе языка, простоте, изобразительности. И в языке – родной мне язык – язык нашего отца и вообще всего нашего, теперь почти уже исчезнувшего племени*» [3, с. 359].

И.А. Бунин считал себя человеком, знающим народное слово, и это вполне оправданно, поскольку определенная часть его жизни прошла в деревне, в тесной связи с крестьянством. Как поэт и писатель, Бунин был очень чуток к русскому слову, восхищался его живостью и образностью. Он не раз описывал свои разговоры с «местными мужиками», жителями Орловской губернии, останавливался перед каждым интересным, по его мнению, словом, чтобы как следует его прочувствовать и понять всю глубину заложенного в нем смысла. Так, например, обращение к внутренней форме диалектного слова встречаем в автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева»: «*Замолаживает – это слово употреблялось когда-то на винокурнях, и человек выпивший хотел им сказать, что в него вступает нечто молодое, радостное, что в нем совершается некое сладкое брожение, некое освобождение от рассудка, от будничной связанности и упорядоченности*» [2, с. 75]. Понятно, что такие слова поистине драгоценны для художника, стремящегося как можно полнее, не только через язык созданных им персонажей, но и посредством употребления слов, обозначающих местные детали быта, изобразить окружающий его мир. Диалектизмы представляют собой средства, которые, отражая историю русского языка, взаимодействуя с языком литературным, являются украшением нашей самобытной русской литературы.

Своей любовью к народному языку Бунин был близок некоторым демократическим писателям и поэтам своего времени. Ранние критические статьи И.А. Бунина посвящены поэтам и писателям из народа: И. Никитину, Н. Успенкому, Т. Шевченко и другим. Из их содержания следует, что И.А. Бунин, лучше многих понимая крестьянство и будучи настоящим выразителем демократических идей, сам восхищался теми людьми, которые стремятся к труду, к глубокому познанию народной жизни, к пониманию ее эстетики. Отсюда следует, что одним из условий художественного отображения жизни является *глубокое знание той среды*, которую берется описывать писатель. *Язык должен служить достоверному изображению этой среды*, и Бунин строго относится ко всякого рода стилистическим подделкам: «*Сколько стихотворцев и прозаиков делают тошнотворным русский язык, беря драгоценные народные сказания, сказки, «словеса золотые» и бесстыдно выдавая их за свои, оскверняя их пересказом на свой лад и своими прибавками, роясь в областных словарях и составляя по ним какую-то похабнейшую в своем архирусизме смесь, на которой никто и никогда на Руси не говорил и которую даже читать невозможно!*» [3, с. 431]. Болезненное восприятие упадка литературного языка выразилось в негативных высказываниях И.А. Бунина не только в текстах личного характера – письмах, дневниках, но и в публицистических статьях и заметках: «*А ведь теперь дела стали еще хуже: литература наша **изовралась** невероятно, критика пала донельзя, провал между народом и городом образовался огромный... изобразители сусальной Руси, сидя за старыми книжками и сочиняя какой-то никогда не бывалый, **утрированно-русский** и потому **необыкновенно противный** и **неудобочитаемый язык**, врут ему не судом, вкусы его все понижаются...*» [1, с. 266]».

Следующая схема, основанная на выделении понятий, составляющих содержание одного из аспектов метапоэтики И.А. Бунина, позволит обобщить вышесказанное.

Таким образом, проанализировав высказывания И.А. Бунина, предметом которых явился язык художественной литературы, можно сделать вывод о том, что язык является совокупностью

всех средств, определяющих облик произведения, его тональность и способствующих выражению художественной идеи. Изобразительность языка должна обладать естественностью, простотой, заключающейся в отсутствии излишеств и неоправданной, низкопробной стилизации. Сам язык должен служить правдивому, реалистическому отображению действительности.

Список литературы:

1. Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. – М., 1965. Т. 9.
2. Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. – М., 1987. Т. 5.
3. Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. – М., 1987. Т. 6.